

Назаренко Татьяна

22.12.04

Культура - 2004 - 16-22 Дек. - с. 10

В "Переходах" будьте осторожны...

Татьяна Назаренко — в Третьяковской галерее

Татьяна Назаренко — самобытное, неповторимое явление в современном отечественном изобразительном искусстве. Она любит пробовать, экспериментировать. Вот так взять и враз отказаться от того, что составило ей широкую известность и общее признание, и кинуться, с первого взгляда, в иную, непостижимую даль. И в ней найти неведомую "птицу Феникс", которая поначалу вызовет недоумение и даже неприятие, но потом если не одобрение, то внимание и понимание. Однако Татьяна Григорьевна делает это не на публику, не для того, чтобы ее поразить, а скорее для своей внутренней творческой потребности — выразить в новой форме нечто глубоко осознанное, подчас большого общественного и социального звучания. Опять-таки не ради этого звучания, а от душевной осознанной необходимости.

Искусство Татьяны Назаренко сложно, многогранно. При всех крутых творческих поворотах у нее поначалу трудно различить, когда все очень серьезно, а когда игра, когда драма, а когда маскарад с переодеваниями. И все это она делает масштабно, выразительно и сильно. Поэтому почти каждая ее выставка полна явных и скрытых неожиданностей, метаморфоз ее яркого дарования. Как и сегодняшняя, юбилейная, открывшаяся в залах Третьяковской галереи на Крымском Валу и названная излишне скромно — "Фрагменты". Хотя представлены живопись, графика, объекты с 1966-го по 2004 год. И то, что хорошо знакомо, в своих хрестоматийных образцах, и новое, еще широко не известное.

Так, по соседству с узнаваемыми сразу и глубоко трагичными "казнями", большим портретным рядом — ее праздничные произведения с народными гуляньями, исконно русскими и шумными. Вообще, тема народных застолий всегда привлекала художницу. Ее дипломом в Суриковском

институте в 1968 году была картина "Узбекская свадьба". Тогда ее учитель Алексей Грицай с грустью сказал: "Таня, вы забыли все, чему вас учили в институте". Все, конечно, Татьяна Назаренко не забыла, но уже тогда отказалась от многого, что мешало творческому дерзанию. Ее уже не устраивали разрешительные, официальные рамки. Уж если веселиться — так веселиться, во всю ширь, раздольно и многолюдно. За это официальная критика ее не раз осуждала. Но что сделаешь, если Татьяна Григорьевна всегда любила праздники. Особенно Новый год — он показан в нескольких ее картинах.

Теперь задорных молодых компаний в ее холстах поубавилось, веселья стало значительно меньше. Люди отделились друг от друга, замкнулись в своих домах и мастерских. Художница задумывается об одиночестве, которое считает самой страшной трагедией. Это ее настроение проявляется в ряде последних работ.

Но осталось с прежних времен стремление к игре, к театрализованному представлению и карнавалам. Хотя подчас нет в них радости, ощущаются грусть и разочарование. А скоморохи, актеры, циркачи легко узнаваемы, это мы с вами. Как бы олицетворением этого скоморошества являются картины "Циркачка" и диптих "Представление". Обратите внимание на аплодирующих — какие они самодовольные, уверенные в своей значительности, равнодушные. Не лица — маски. Холодные, чванливые, одеревенелые. Не напоминают ли они тех, кого мы часто видим на голубых экранах? Тех, которые наставляют, уговаривают, обещают...

Остросоциальной стала и новая форма изобразительного поиска Назаренко — вырезанные лобзиком из фанеры и раскрашенные фигуры в натуральную величину, так называемые "обманки". Их теперь у Татьяны Григорьевны, вероятно, около двух-

сот. Они частично были выставлены в Манеже в 1996 году в экспозиции, названной "Переход", и вызвали далеко не однозначную реакцию публики и критики.

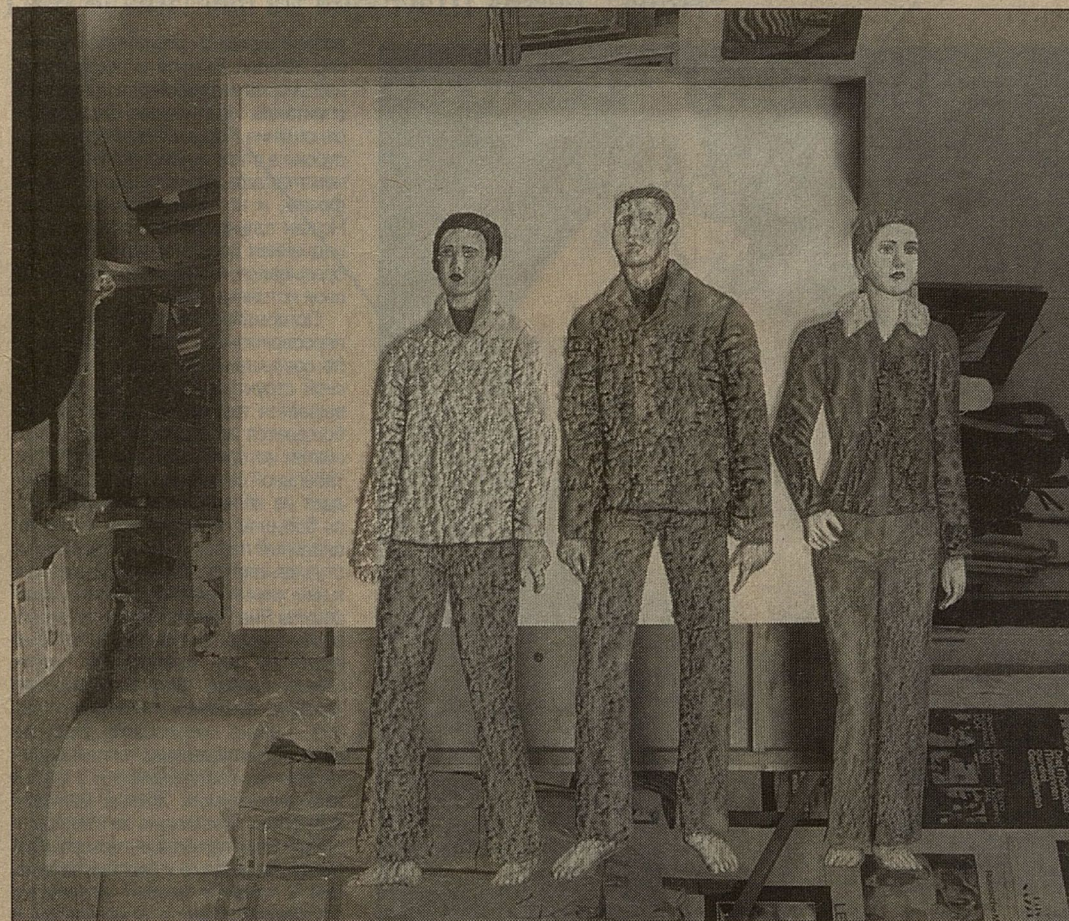
"Переход" — это люди, которые идут по переходам в метро и как бы сливаются со своими фанерными двойниками, составляя с ними единую толпу.

Никто не обращает внимания на себе подобных, таких же замотанных и усталых. А художница вдруг остановила этот бессмысленный бег толпы, заставила каждого оглянуться на себя, на других, может, задуматься о памяти, которая останется об их времени.

Затем была выставка "Мой Париж", на которой художница как бы восстановила свои французские впечатления, показав типичных персонажей обычной парижской жизни подчас в юмористической, гротесковой форме. Затем была поездка в Америку. Татьяна Григорьевна взяла с собой лобзик, не рассчитывая найти там подобный инструмент. В США создала серию фигур-"обманок", которые были приняты с большим успехом.

И вот сейчас в залах на Крымском Валу Татьяна Назаренко показала новых своих персонажей. Это полукриминальные обитатели московского рынка. В их отображении нет никакого юмора, никакого смеха, порой они трагичны. Пронзительные, недобрые взгляды всех этих торговцев, воров, бомжей, нищих преследуют тебя даже на улице. Тем более что здесь, уже вне выставочных стен, вдруг встречаешь тех, кого "выпилила" Татьяна Назаренко. И задумываешься, "обманки" ли создала художника? Не изобразительная ли это имитация нашей действительности?

Дополняют галерею и совершенно новые формы, которые можно назвать "скульптурной живописью" либо "живописными рельефами". Они исполнены из монтажной пены, нало-

Т. Назаренко. "Джинсовая мода"

жены на плоскость картины. Темы этих необычных форм те же — мы с вами в повседневных, будничных обстоятельствах.

И еще одна тема просматривается на выставке. Не новая она, давно разрабатываемая. Это мастерская художника, являющаяся как бы творческим средоточием всех замыслов,

поисков, открытий. Вспомню такие картины, как "Мои современники", "Московский вечер", "Татьянин день", "Жизнь", "Большое окно", наконец, триптих "Мастерская". Обычно скрытая, Татьяна Назаренко в этих и других своих произведениях "про мастерскую" — некоторые из них экспонируются на этой выставке — позволяет

себе показать то, о чем она никогда не рассказывала бы.

Разумеется, если посетители к этим холстам отнесутся не просто как к великолепным живописным образцам, а увидят в них и человеческую сущность творца.

Евграф КОНЧИН